

Мельников А. И.

Участник ЛПА на ЧАЭС I категории, руководитель строительных работ по сооружению бетонного экрана под разрушенным реактором

МЫ ВМЕСТЕ ХОДИЛИ В РАЗВЕДКУ

Воспоминания о совместной работе с Э.В. Собоновичем непосредственно в самом центре событий после взрыва чернобыльского реактора, буквально с первых дней организации работ по ликвидации последствий аварии, считая его побратимом по Чернобыльской атомной войне.

Это была крепкая мужская дружба. Пишу о человеке, дружбой с которым горжусь, об ученом и патриоте Украины.

Фактически нас познакомил ... Б.Е. Патон, когда 2 мая 1986 г. он собрал в Президиуме АН УССР экстренное совещание (секретное) горняков. Лично Борис Евгеньевич не знакомил, но свел нас в одну команду. А дело было так.

Первого мая мне позвонил коллега и сказал, что в Президиуме АН УССР срочно собирают горняков-шахтеров на какое-то секретное совещание, и директор приказал мне там быть. На следующий день с больной головой поплелся на Владимирскую.

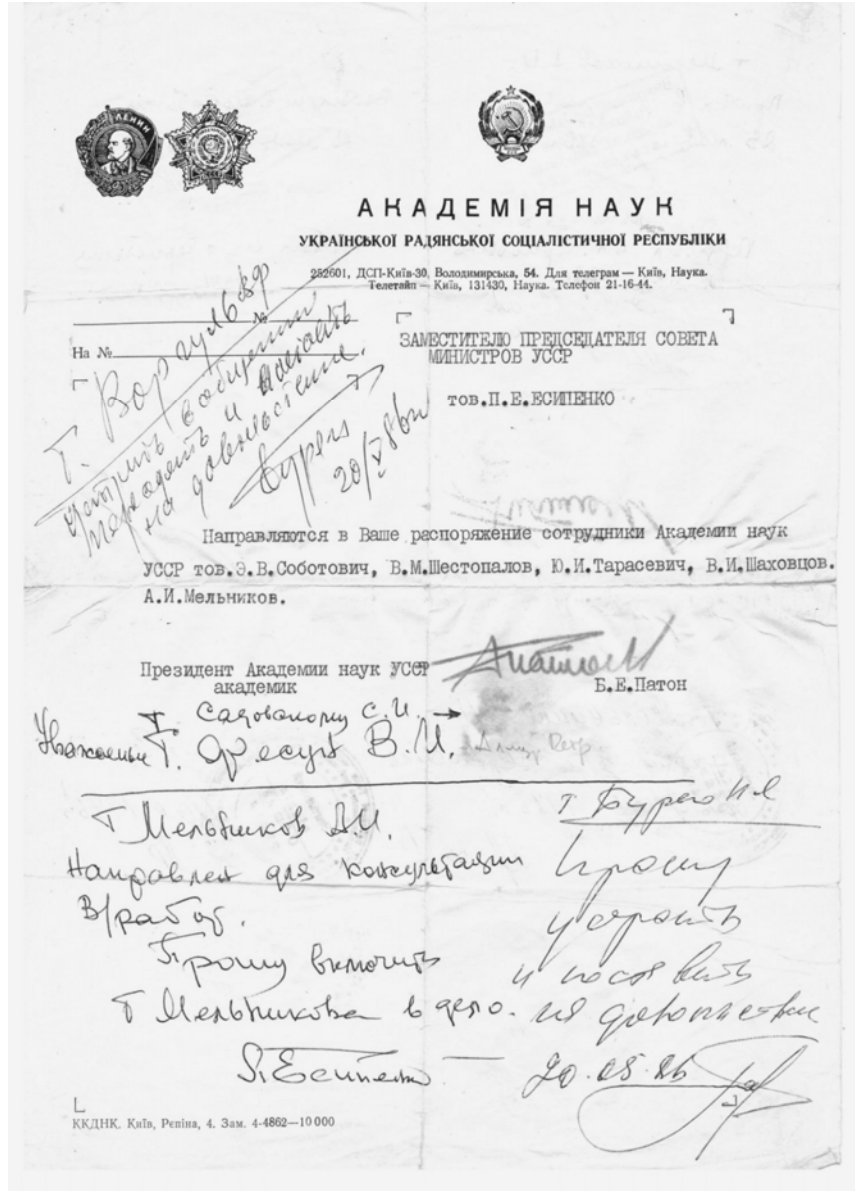
Собрались мы у вице-президента академика АН УССР В.И. Трефилова. Он попросил дать предложения по строительству бетонной термоизоляционной плиты под землей в максимально короткий срок. Развели нас по разным комнатам, чтобы думали самостоятельно, ну вроде как мозговой штурм, дали час времени. Какой тут штурм, когда голова болит. Выпив кофе (академдевушки угощали), выкурив пару сигарет, я убедился, что ученый из меня никудышный, ничего придумать не могу. Проявив эрудицию, я глубокомысленно попросил данные по грунтам (коэффициент сцепления, гранулометрический состав, пористость, обводненность, УГВ (уровень грунтовых вод), надеясь как-то выиграть время. Но академические геохимики парни ушлые, и через 15 минут профессор Эмлен Собонович, принес данные, познакомился, предложил выпить, т.е. полечиться, попросил не стесняться и ушел. Эмленом его окрестили родители в честь Энгельса, Маркса и Ленина.

Пришлось думать. Краткосрочность работ и радиационная обстановка вокруг 4-го блока (МЭД 400-1000 р/час) не позволяли экспериментировать, поэтому я нарисовал примитивную, давно известную шахтерам схему обратной выемки. За третьим блоком (там всего – 30 Р/ч) копаем яму, глубиной 8 метров, и ведем тоннель (штрек) под 3-м и 4-м блоками до границы фундамента, разворачиваем влево и вправо на 90° и проходим штреком по 15 метров. Имеем букву «Т». Двигаясь левой обратным ходом, выбираем грунт из-под крылышек буквы «Т» и бетонируем. Если понадобится охлаждение, закладываем трубы для циркуляции воды или жидкого азота. Пришел Эмлен, я ему рассказал, он хмыкнул, сказал, вроде реально.

Когда вернулись к В.И. Трефилову, он расспросил каждого, поблагодарил и отпустил всех, а меня и Эмлена повел к Б.Е. Патону. Борис Евгеньевич выслушал, спросил какая нужна техника для выполнения такой работы. Я ответил, что нужны: угольный шнековый комбайн ИК-52 ш и проходческий щит с выдвигной крепью, такой есть в Метрострое. Б.Е. Патон попросил Трефилова проконсультироваться в НИИшахтопроекте (он располагался на ул. Ленина возле универмага).

Поехали туда вице-президент АН УССР В.Г. Барьяхтар, Эмлен и меня зачем-то взяли. На совещании шахтостроевцы-проектанты (фамилии запомнил, но не назову) после обсуждения дружно зарубили мой проект. На перекуре Эмлен спросил, почему они категорически против, ведь «выемка обратным ходом» отработана, кровлей служит бетонная фундаментная плита, обрушение исключено. Ответ был ясен, но изложен в вопросительной форме: «Вы хотите, чтобы нас послали в Чернобыль проектировать? Я не поеду».

По дороге назад В.Г. Барьяхтар назвал меня фантазером, а Эмлен заступился: «Виктор Григорьевич, они просто не хотят туда ехать». На следующий день я был на работе. Меня вызвали к директорскому телефону. Говорил Э.В. Собонович. Он сообщил, что консультировался с академиком И.К. Походней. Тот звонил в Донгипрошахт, там предложение одобрено, Б.Е. Патон его утвердил и просит выехать в Чернобыль для работы при Правительственной комиссии (см. письмо).

Подались мы с Эмленом на Полянную землю. Запаслись дозиметрами из лаборатории Эмлена и дезактивирующими растворами. Эмлен сказал, что «Столичная» очень хороша для дезактивации ЖКТ от стронция. Ехали в машине с закрытыми окнами. Жара, встречная полоса от Киева до Иванкова забита машинами с эвакуированными. А после Иванкова абсолютная пустота – только посты ГАИ. Всю дорогу профессор читал лекцию, приводя интереснейшие примеры. Для меня это была новая наука и новая страница в моей жизни.

Он ознакомил меня с конструкцией реактора, рассказал, что, первый вариант заявки академика Александрова на изобретение РБМК отклонили по причине «отсутствия полезности».

РБМК имеет допотопный, почти паровозный, КПД 30%. Нарботка плутония в заявке не указывалась – это секрет. В дальнейшем заявку на «национальный советский реактор» протолкнули.

Профессор был энциклопедией. В США тоже хотели продвинуть промышленный реактор в энергетику, но Эдвард Теллер («отец» американской водородной бомбы), будучи председателем КАЭ, не подписал документ принципиально (военная техника не может внедряться в гражданскую), чем спас Америку от своего Чернобыля, но лишился должности.

Из оконных щелок торчат датчики КРАБ'ов (радиометр альфа-, бета). Тогда я плохо понимал разницу между рентгеном и бэром. Вся поездка была для меня лекцией профессора.

В Правительственной Комиссии вижу – Эмлен обнимается с каким-то мужиком, позвал меня.

– Знакомься, это Павел Иванович Федотов из Радиевого Института, очень помог мне с докторской диссертацией.

Павел Иванович рассказал, как летал на вертолете фотографировать реактор, но пленка засветилась. Когда П.И. Федотов ушел, я предложил Соботовичу

– Можно сделать свинцовую камеру-обскуру с миллиметровым отверстием (то, что нам нужно!), а внутрь вставить фотоаппарат.

– Ты можешь это сделать?

– Могу, если дадут литейную мастерскую и 3 слесаря.

– Езжай в ОП Института физики, я позвоню В.Г. Барьяхтару.

За двое суток сделали. Спали в мастерской. В Чернобыле камеру установили в вертолет, полетели И.Ф. Федотов и я – «конструктор». Слышим командира: «Подходим к блоку, высота 200, фон 75 Р/ч». Я хотел сесть на камеру, все-таки свинцовая, но П.И. Федотов меня опередил. В общем, зависли, сфотографировали, получили свою дозу, вернулись. Размышляю – болят ли «критические органы», тихонько жалуясь Эмлену.

– Успокойся, так сразу не бывает.

Меня мучит вопрос, если «там» 75 Р/ч, то какая же радиоактивность в реакторе. Обращаюсь опять к Эмлену.

– Данные секретные, но тебе скажу, 10^9 Кюри.

– Миллиард «кюрей»? Представляешь, что было бы, если б и 3-й блок рванул?

– Существенно ничего бы не изменилось. Стало бы 2×10^9 , порядок тот же.

Теперь до меня начали доходить размеры катастрофы, больше уже не надо.

Пару дней Эмлен не пускал меня на блок, я отсиживался в Чернобыле, мыл полы. Заезжает Юра Ольховик с очередной хохмой: «Вы же ничего не знаете, от Копачей до станции весь асфальт засыпали сеном».

– Зачем? – покупаюсь я.

– Ну, если у кого «критические органы» отвалятся, чтобы не разбились.

Эмлен бросил:

– Замолчи, у Саши свои проблемы.

Вечером и весь следующий день мы с Эмленом готовили «плацдарм» для «высадки» в район бедствия ученых нашей Академии. Поскольку еще никого не было, то мы выполняли работу вовсе не научную: Эмлен вместе со мной мыл полы, стены, окна и потолки в двухэтажном здании, чтобы дезактивировать.

Впоследствии Э.В. Собонович вспоминал: «Довелось побывать и в шахте под реактором. Со мной был А. Мельников, который тоже с тряпкой по полу лазил – будущий «штаб Академии мыл». А тут не успел я на один день отлучиться, как он уже пошел трудиться в шахту под энергоблоком». Ведь тогда боялись, что топливо расплавит фундамент станции. Поэтому предлагали построить под энергоблоком тоннель, запустить туда жидкий азот и остужать реактор. Ну, мне интересно стало и я поехал. Водитель остановился метров за 50 от входа в

шахту и предупредил: «Тут 5 Рентген! Расстояние надо пробежать за 20 секунд». Я промчался, наверное, быстрее. В шахте радиационный фон был допустимый. И я провел там целых 4 часа, а люди тогда землю на обычных тележках вывозили [1].

Короче, за 2 месяца мы этот бетонный экран сварганили, да еще начинили трубами.

После окончания строительства Эмлен предложил мне работать в ОМГРРО (оперативная межведомственная группа разведки радиационной обстановки).

В ОМГРРО руководителем был Женя Стукин (Госкомгидромет СССР), а замами – Коля Смирнов (МАЭ СССР), Сережа Урывин, подполковник (Научный центр Минобороны) и я (АН УССР). Моя задача штабная – подача заявок генералу Антошкину на вертолеты и бронетехнику БРДМ (боевая разведочно-дозорная машина), нанесение результатов измерений на карту 30-км зоны.

Уже 2-й час ночи. В помещении ОМГРРО (детсад в Чернобыле) жара. Выпито все, что можно выпить (весь спирт для дезактивации пробоотборников), от кофе в голове дурно. Эмлен у нас в гостях. Готовим на утро отчет за сутки. Я составляю заявку генералу Антошкину.

– Ребята, а за зоной на западе должно быть грязно, туда дул ветер в мае, – вслух рассуждает Эмлен.

– Нас это не касается, наша зона 30-км циркульная, – резюмирует Стукин.

Вдруг Сергей мечтательно говорит:

– А в Овруче пиво хорошее.

– Вот туда завтра и слетайте, – советует Эмлен.

– Так это же за зоной, Антошкин заявку не подпишет, – урезониваю я.

– А ты карту не показывай, только таблицу с точками отбора проб, – гнет далее Эмлен.

Стукин ухмыльнулся, видно понравилось.

Утром я у генерала. Он посмотрел заявку:

– Вы бы подальше от блока летали, у меня и так все машины грязные.

– Понял, будем летать дальше, – искренне согласился я.

В Овруч полетели Сергей (там его НЦ МО), дозиметристы и я. Штурман докладывает:

– Вижу бочку с пивом и очередь на площади.

– Вот, около бочки и сажай.

Выходим, все в белом, с клюшками КРАБ'ов, с «намордниками» на шее и с тремя канистрами. Очередь нам уступают, ребята клюшками помахивают, меряют. Желающих проверить много. Дозиметристы переглядываются, но молчат. Ко мне подходит один и тихонько:

– Тут грязно, как в Копачах.

Наполняем три канистры, третью оставляем мужикам, благодарим, обещаем на днях заглянуть. Пока Сергей сходил в НЦ, обсуждаем ситуацию в вертолете – в Овруче грязно. Решили взять пробы грунта, потому что надо докладывать в Правительственную комиссию. Вернулись, Эмлена и его ребят пригласили на пиво.

Так был обнаружен западный шлейф, зона перестала быть циркульной, превратилась в «женский сапожок»: голенище – на север в Белоруссию, носок – на Житомирщину, каблук – на Дитятки.

Отрываем ото сна время и с Эмленом мчимся в Президиум Академии. 23.00. В малом зале – академики Б.Е. Патон, В.И. Трефилов, В.Г. Барьяхтар, В.П. Кухарь. Эмлен докладывает обстановку по зоне, а я заикаюсь о существовании карты радиационной обстановки в Министерстве обороны (МО СССР) с суточными замерами.

– Эх, нам бы на эту карту взглянуть, – мечтает В.Г. Барьяхтар.

Эмлен переглянулся со мной, замолкли. Я положил этот взгляд на ум. Разряжает обстановку Борис Евгеньевич:

– Ну, а які там анекдоти у зоні?

Вспоминаю тогда свежий: «Какие производные у рентгена? Первая – бэр, вторая – Каберне (нас тогда поили вином – стакан в обед), третья – Берковцы». Смеемся, потом Б.Е. Патон говорит

– Ні, перша похідна це – Бер’яхтар, а вже потім друга.

Так с легкой руки Бориса Евгеньевича стал Виктор Григорьевич для всей нашей чернобыльской команды Бэром.

Но слова Бэра про карту не пропали для нас даром. Уже в общежитии, закуривая, Эмлен, как бы, между прочим, спросил: «А что, Саша, трудно сделать копию?» Мы думали об одном и том же.

– Копию трудно.

Карта почти 2 х 2 м, в кабинете генерал-полковника Пикалова за шторой, охраняется круглосуточно прапорами. Фотографировать нечем. Надо думать. Считаю операция «Мизер» принята к разработке. Давай спать.

Решил сделать копию. Карта висела в штабе ОГ МО, круглосуточно в кабинете дежурил прапорщик. Я имел к ней доступ (имелся допуск к секретным документам) и наносил радиационную обстановку. Вечером присмотрелся к карте и подумал, что перерисовать на новые планшеты (можно взять в секретном отделе) будет нереально, слишком долго, не один вечер, да и прапор рядом. Сфотографировать? Аппаратуры нет, чтобы такую площадь охватить, да и фотограф из меня... Короче, решение такое – беру топооснову, «дома» рисую по памяти, как бог на душу положит и меняю карту. За шторой первое время это будет незаметно, а прапор все равно ни хрена не понимает – шторы чуть раздвинуты – висит же карта. Только прапора надо как-то выпроводить минут на 10-15.

Иду к Эмлену:

– Ночью буду «играть Мизер». Нужна машина с полным баком в час ночи

– Ты через Бэра сдай свой «Мизер» в первый отдел Президиума. Когда КГБ начнет искать – он там, – проинструктировал меня Эмлен и этим спас от трибунала.

Жора Лисиченко и водитель Олег ждали за штабом (не маячьте на глазах!) В столовой договорился с Лидочкой (старшая ночной смены) взять на талоны шоколад, потому что нам всю ночь работать, и я пришлю прапорщика.

Пришел в штаб, лжекарта за пазухой под бушлатом (мол, прохладно ночью), кнопки в кармане. Стою у карты, наношу обстановку, через полчаса говорю прапору, мы с ним давно знакомы:

– Слушай, там в столовой шоколад дают на талоны, у тебя их нет, а у меня до хрена лишних, мотнись, а? Только мигом.

Второй раз просить не пришлось. Карту я заменил и сидел что-то писал, когда прапорщик вернулся. Сквозь шторы проглядывала «карта» и сомнений не вызывала. Шоколад мы поделили, у меня «разболелась» голова и я ушел...

Ночью с Жорой Лисиченко, занимавшимся организацией штаба Академии наук Украины в Чернобыле, выехали в Киев. В полшестого утра звоним Бэру домой (живет в академическом доме напротив Оперного театра) и докладываем

– Виктор Григорьевич, мы на проходной Президиума, привезли карты, но через пару часов их могут забрать, надо сдать в первый отдел.

– Эмлен уже звонил, ждите на проходной, Приедет начальник первого отдела, передайте лично в руки, распишитесь в журнале. Ждите руководство Академии.

Первым, к 10 часам, с картой ознакомился вице-президент АН Украины В.И. Трефилов, который сразу повел нас к Борису Евгеньевичу Патону, где состоялось оперативное обсуждение полученной информации. Эти секретные данные по радиационной обстановке тогда были очень нужны для определения масштабов катастрофы и формирования первоочередных задач для защиты населения.

За разглашение государственной тайны через несколько дней меня исключили из партии. После бюро райкома поехал в Президиум. Прямо на лестнице встретил Бэра с Эмленом.

– Как дела? – спросил Бэр.

– Исключили.

– А ты от этого чужим для нас не стал, – резюмировал Эмлен.

Вскоре Эмлен и я докладывали радиационную обстановку в зоне по карте на закрытом заседании Президиума АН УССР.

Из архивных материалов МО СССР следует, что на тот период это были наиболее достоверные материалы о масштабах аварии. *«Выявление и оценка масштабов катастрофы осуществлялись методом определения уровня радиоактивного заражения и его динамики. Работа велась при продолжающихся выбросах разрушенного реактора непосредственно на АЭС и прилегающих к ней районах (в пределах 60-ти км зоны), за ее пределами на "пятнах", всего на площади более 10 тыс. км². Разведка велась силами и средствами химических войск с привлечением инженерных войск, ВВС и сил Гражданской обороны. Ежедневно на эти работы выделялось от 80 до 180 химических разведывательных дозоров на бронетранспортерах с защитой, обеспечивающей ослабление радиационного воздействия в три-четыре раза, а в отдельных зонах - на автомобилях. Для получения оперативной информации ежедневно задействовались 2-3 вертолета радиационной разведки. Непосредственно у 4-го блока ЭБ уровень заражения определялся с помощью измерительных приборов, устанавливаемых на инженерных машинах разграждения - ИМР-2, оборудованных системой защиты с кратностью ослабления до 40 раз, ИМР-2В "сотник" - до 80-120 раз, ИМР-2Е "двухсотник" до 250 раз, ИМР-2Д "тысячник" - до 2000 раз. Для радиационной разведки с чрезвычайно опасными уровнями радиации использовались и роботизированные средства отечественного и зарубежного производства. Для радиационной разведки на обширной территории европейской части СССР была развернута сеть наблюдений и лабораторного контроля ГО, включавшая около 20 тыс. дозиметрических постов. Кроме того, с помощью вертолетов производились замеры уровней радиации и брались замеры проб непосредственно над реактором, а также в радиоактивных облаках. Изменение интенсивности выбросов и постоянно меняющееся направление ветра усложняли оценку степени радиоактивности окружающей среды.*

Очень важным для диагностики процессов внутри реактора было проведение внутренних замеров путем внедрения приборов в элементы конструкции взорвавшегося блока. Они проводились с участием инженерных войск с использованием взрывов направленного действия для проделывания проходов, непосредственной расчистки завалов и других методов. Для оперативной оценки обстановки на обширной территории использовалась самолетная бортовая аппаратура радиационного контроля. Более детальная оценка загрязнения окружающей среды почвы и растительности производилась методом лабораторного анализа проб с определением радионуклидного состава и дисперсии частиц. Значительная доля таких работ была выполнена на Семипалатинском полигоне.

По мере стабилизации обстановки радиационная разведка все больше велась с акцентом на проведение исследований количественно-качественного изотопного состава загрязнений с целью определения тактики принципов, приемов и методов действий в борьбе с последствиями катастрофы. Разведка организовывалась комплексно, с привлечением не только химических войск, но и медицинской, и ветеринарной служб, и инженерных войск» [2].

Через пару дней мы уехали в Чернобыль. Из ОМГРРО меня вытурили по указанию свыше. Тепло прощались в группе. Был и Эмлен со своими ребятами. Весь спирт употребили для дезактивации ЖКТ. Тогда Эмлен сказал пророческие слова: «Ничего, Саша, райком тебя отделил от партии, но неизвестно кому повезет больше». А Сережка Урвин взял гитару. Здорово Серый пел!

Мы у Господа Бога прощенья не просим,
Только пыль под колеса, да стронций вдогон,
И Чернобыль рентгеном кресты выжигает
По истертому золоту наших погон.

В штаб ОГ МО мне был вход запрещен и пошел я на блок в УС-605 МСМ. На мой вопрос, чем вообще занимается Минсредмаш, Эмлен дал исчерпывающий ответ: «Они занимаются всем, кроме среднего машиностроения». В чем я скоро и убедился. Это была империя со своими закрытыми номерными городами, наукой, армией и зеками.

Дружба с Собоновичем продолжалась до его смерти, и я горжусь, что был его товарищем. Такой это был человек – простой и мужественный. Из всех украинских ученых он единственный, кто постоянно с начала аварии работал непосредственно в Чернобыльской зоне. Эмлен Владимирович в числе первых заслуживает звания Героя Украины за мужество и профессионализм, проявленные при ЛПА на ЧАЭС, теперь уже посмертно. За работы в Чернобыле в 1986 году Собоновичу Э.В. было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки и техники», впоследствии он был избран членом-корреспондентом НАН Украины (1988) и академиком НАН Украины (1992), получил звание Лауреата государственной премии в области науки и техники (2000), был награжден двумя орденами «За заслуги» III (1997) и II степени (2009).

1. *Малиновський Б.М.* Академік Патон – праця на все життя. – К.: Наук. думка, 2002. – С. 255.
2. Роль и основные направления деятельности оперативных группировок силовых министерств в ликвидации последствий катастрофы. Электронный ресурс: <http://www.iss-atom.ru/book-7/glav-4-1.htm>

Мельников О.И. МИ РАЗОМ ХОДИЛИ У РОЗВІДКУ

Спогади про спільну роботу з Е.В. Собоновичем безпосередньо в самому центрі подій після вибуху чорнобильського реактора, буквально з перших днів організації робіт з ліквідації наслідків аварії, вважаючи його побратимом в Чорнобильській атомній війні.

Melnikov A.I. WE TOGETHER GO OUT ON RECONNAISSANCE

The memoirs are about collaboration with E. V. Sobotovich directly in the center of events after the explosion of the Chornobyl reactor from the first days of organization of works for liquidation of consequences of the accident, considering him a blood brother in the Chornobyl atomic war.